

НАТАЛЬЯ КУСКОВА

ИНДУС

Из-под пушистых ёлочек, обступивших тропинку колючей тёмно-зелёной стеной, медленно выплывали сумерки. Знакомая высокая берёза, одиноко стоявшая на пригорке, распластала к розовому небу корявые ветви и приобрела на его фоне устрашающую чёткость. То ли от тревожного заката, то ли от настроения в этот вечер девушке, шагавшей по тропинке, всё казалось жутковатым. И даже глазки ромашек покачивались отрицанием: нет-нет-нет. Выплывающие из-под елей сумерки сопровождались шорохами, поскрипываниями и лёгкими вздохами ветерка, не приносившего желаемой прохлады. Всё это вызывало отчаянное желание обернуться, удостовериться, что никого страшного за спиной нет.

Тоненькая стёжка змеилась по косогору и, добежав до берёзы на вершине, устремлялась в низинку. Клара, обречённо вздохнув, направилась по ней на булькающий звук ручейка, заранее зная, что по вёрткому

скользкому брёвнышку в темноте перебежать ручеёк не удастся. Придётся ступать в студёную ключевую воду босыми ногами, сняв тапочки, начищенные с утра зубным порошком добела. А в ручье под большими камнями жили лягухи – большие и жирные, почти жабы, при виде которых даже при солнечном свете сердце девушки сжималось от страха.

Вообще-то по этой тропке хожено-перехожено и днём и ночью, каждая извилина ей хорошо знакома. Молодая учительница деревенской школы в любое время года ходила по ней. Но сегодня всё было по-другому. Вместо обычно весёлой прогулки с собакой она шла, одинёшенька, всего боялась и едва сдерживала громкие рыдания. Солёные горошины слёз скатывались по щекам, падали, расплывались влажными пятнами на лучшем её, праздничном платье. Это платье из голубого полупрозрачного крепдешина, покрытого крошечными разноцветными кубиками, Клара очень берегла и надевала по особым случаям. Сегодня и был такой случай. Всё было так, как было. Не было виноватых, выбор сделала собака, и оставалось возвращаться в одиночестве к опустевшей на лето школе, в осиротевшую без Индуса учительскую комнатку. Было жутко, тоскливо, хотелось выть громко на всю округу, но шла вперёд молча, слезинки не успевая слизывать языком с мокрой щеки.

В большой дружной семье учителями работали все. И дом, и семья были необычными. Когда-то, в начале двадцатого века, в огромном богатом доме жил батюшка. После революции в «поповский» дом поселили четырёх сестёр-учительниц с их семьями. Так они и жили, у каждой по комнате, но одной семьёй, не разбирая, где свои дети, где племянники. Сколько помнила, родители и тётушки учили детей, во время всеобщего ликбеза сёстры, подрастая, разъезжались учительствовать по разным деревушкам. И выбора не было. Педучилище окончено, и в семнадцать лет пришлось и ей стать сразу и директором, и учителем, и массовиком-затейником, единственным на всю глухую

таёжную округу. Лесоучасток, довольно крупный посёлок, спрятался в тайге далеко в стороне от освоенной машинами дороги. Единственный транспорт – лесовоз – был мечтой, почти самолётом. От Лесоучастка до деревушки Подвальная Грива и вовсе только тропка змеилась по горушкам. В любое время года вела путника через ручей-бормотун, набиривший скорость в низинке, сквозь тугую стену ёлочек, мимо вековой берёзы к десятку домиков, разбросанных без особого порядка на с трудом отвоёванной у тайги территории. Там и жила, за работой летели недели, но скучала девушка по родному младшему братишке.

Звали его Толей. Рослый, крепкий, озорной мальчишка сам мог обидеть сестру; за каштановую косу дёрнуть, прозвище вроде «синица» приклеить, но другим в обиду не давал. Двоюродный брат, ехидный Юрка, часто получал сполна за то, что больше других придирался к робкой сестрице. Послевоенное десятилетие рано взрослило детей. Когда Клара в свои семнадцать лет отбыла учительствовать, Толя в четырнадцать пошёл работать в строительную бригаду. Взрослые мужики одобряли хваткого паренька за смекалку и трудолюбие. Девушки мотыльками слетались на тепло огня, освещавшего благородные черты лица этого парня. Выросший в женской учительской среде, он оставался рыцарем при любых обстоятельствах. Конечно, в боевых турнирах за внимание красавиц не всегда выходил победителем, но, невзирая на проигрыш, внимание прекрасных дев всё равно было на его стороне.

Семья слыла музыкальной, и Толя выучился игре на гармошке. Родители, тётки, сёстры – все, кроме игры на разных инструментах, хорошо пели. Вечерние летние концерты заставляли сдерживать шаг проходивших мимо их дома горожан.

Ещё в двенадцать лет он заявил о себе так, что все ребята в округе, даже старшие, зауважали Анатолия. Спокойная речка у деревни, где учительствовала мать, в конце весны набирала силу. Переполнялась талой

водой, несла обломки деревьев и ворочала тяжёлые камни. Деревенские ребята бегали смотреть, как у наклонившейся мощной ивы закручивается вода воронкой, утаскивает вглубь плывущие мимо ветки. Родители предостерегали: не лезьте в омут. И ещё говорили, что живут там огромные сомы, которые едят непослушных детей. Поэтому дети с опаской относились к этому месту, а младшие просто боялись. Однажды, когда ребята бегали по берегу, кидали палки и наблюдали, как их «съедает» омут, неуклюжий долговязый Юрка вынул из-за пазухи серого котёнка и швырнул в реку. Истошный писк животного остановил всё веселье. Раскрытыми от ужаса глазами дети смотрели, как течение увлекает барахтающегося котёнка к омуту. Не раздумывая, Толя бросился к иве, взлетел на дерево, сполз по склонившейся к самой воде ветке и успел выхватить из воды мокрое тельце животного. Ива угрожающе затрепетала, но выдержала, и подросток смог вернуться на берег. Котёнка унёс с собой, и ещё много лет огромный дымчатый кот благодарил своего обожаемого спасителя, принося прямо на подушку лакомство в виде свежепойманного мыша. Воспоминание о том случае несколько успокоило Клару и, замедлив шаг, она продолжила думать о брате.

Снова мысленно вернулась в то время, когда он был мальчишкой. Едва стаивал снег, по весне оголяя проталины земли, резался в «ножички» и «чику», мгновенно прекращая всяческое жульничество. Выручал сестёр в трудных ситуациях. Однажды самая младшая, Мила, стала обладательницей невиданного богатства. Ей подарили лыжи, не такие как у других девочек, из гнутых дощечек, а самые настоящие, покупные, из «Спорттоваров». Очень она ими гордилась и берегла, так что чаще просто носила в руках. Но однажды противный Юрка столкнул её с горки и девочка, неловко кувыркаясь, свалилась вниз. Лыжа с правой ноги сорвала крепление. Кожаный ремешок, крепивший лыжу к валенку, оборвался. Хромая и горько рыдая, вся в снегу,

возвращалась домой в предчувствии нагоня от строгой бабушки.

– Чего ревёшь белугой? – встал у ворот Толя. Мила только всхлипывала, прижимая к груди лыжи.

Брат и сам всё понял:

– Давай сюда беду твою, сейчас изладим!

Сам исправил и в придачу отлупил Юрку.

Воспоминания наплывали, один сюжет сменял другой. Клара всхлипнула, вернувшись мыслями к собаке.

Во дворе в большом доме жил добродушный старый пёс Бублик. Он был обожаемой раскормленной дворнягой. А все дети того времени мечтали о настоящей пограничной собаке, служебной овчарке, как в кино. В день, когда Толя принёс в дом щенка, мела метель. Снежинки бились о стекло, ветер стучал ставнями, а в тепло натопленной комнате жильцы подбирали щенку кличку.

– Пусть будет Белка, – сказала маленькая Мила.

– Ты что, это же мальчик, – возразила Клара.

– Тогда Смелый, смотрите как он весело глядит на нас, – вступила Нина.

Тут щенок звонко гавкнул, явно гордясь всеобщим вниманием. От неожиданности рыжий котёнок, разомлевший на стуле, соскочил и кинулся карабкаться на спасительную высокую кровать, оставляя за собой воюющую дорожку – свидетельство сильного испуга. Все рассмеялись, а Толя подытожил:

– Вы что, не видите? Это же Индус!

И кличка щенку сразу понравилась. Он весело замолотил хвостиком, так, что ещё не окрепшие ушки закачались в такт.

Собака быстро росла и скоро превратилась в восточноевропейскую овчарку. Хозяин много времени проводил с ней, они стали настоящими друзьями. Но случилось так, что Анатолию пришлось уехать из города на два долгих года. Собаку на это время он мог доверить только сестре.

И вот за эти два года Индус стал её семьёй, они понимали друг друга с полувзгляда,

все команды он выполнял с видимой радостью, с желанием порадовать хозяйку. Жизнь в таёжной деревушке была трудной и даже невозможной для юной городской девушки. Но с Индусом её не пугали ни доносившиеся из близко подступавшей тайги волчьи песни, ни тоскливое завывание метели, ни шорохи и стуки в опустевшем на ночь здании школы. В её учительской комнатке им с Индусом вдвоём было уютно.

Но Толя вернулся, и собаку нужно возвращать. Брат с сестрой решили: пусть всё будет честно и выбор сделает Индус сам. Дорогой гость приехал к ней в Подвальную Гриву тёплым летним днём. Взрослая собака радовалась ему, как щенок. Индус подпрыгивал и носился вокруг с глупым счастливым выражением морды, уронил в траву и лизал широким алым языком лицо, поскуливал и подставлял голову для ласки под ладонь.

В день их отъезда Клара пошла провожать брата до большака. Индус в предчувствии весёлой прогулки носился меж ними, тыкался влажным холодным носом в ладошки и, вывалив язык, казалось, улыбался. У назначенного места молодые люди попрощались и быстрым шагом стали расходиться в разные стороны. Собака тревожно заскулила и, начиная понимать ситуацию, взлаяла, побежала, догнала Клару, потянула за подол праздничного платья назад:

– Индус, фу!

Побежал за быстро удаляющейся белой рубашкой Толи, снова вернулся. Присел на секунду, жалобно взвыл, и Клара свернула на стёжку, петляющую по лесу. Она шла теперь медленно, прислушиваясь к шорохам за спиной, ожидая услышать привычное шумное дыхание собаки, но она была одна. Индус выбрал мужчину, выбрал хозяина. Верный Индус!

У ручья зачерпнула пригоршню студёной воды, умыла заплаканное лицо. Отражения в воде уже не увидеть, быстро темнеет. Вдруг в глубине леса треснула ветка, закричала, запричитала испуганная зверем птица. Шум стремительно катился

в изножье стволов вековых деревьев в её сторону. Клару переполнил ужас, впервые она оказалась в сумерках в тайге совершенно одна. И от этого ужаса закаменела, не то чтобы бежать, ногой двинуть не может. Чудовище тёмной тенью вынеслось из-за высоких сосен и бросилось на неподвижную девушку. Встав на задние лапы, принялось лизать ей лицо, тихо и виновато повизгивая, как щенок.

– Индус, ты вернулся! Собакин мой родной! Как же ты напрямки лесом!

Ноги подкосились, и она опустилась в траву, уже повлажневшую в предчувствии ночи. Индус положил голову ей на колени и, виновато прижав уши, долго смотрел в глаза, мол, прости, что оставил одну. В ручье что-то грузно плюхнуло:

– Наверное, лягуха, – расслабленно подумала Клара. Но её это больше не пугало.